

Предисловие

*Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.*

А. С. Пушкин

На кафедре философских наук МГЛУ уже более 90 лет ведется активная научная и социально-значимая деятельность, выполняя миссию нести свет, проясняющий тьму невежества. На протяжении последних трех лет на кафедре реализуется проект «Уроки национальной идеи в России в эпоху турбулентности», одноименное название книги которой было задумано создать по итогам многих глубоких, интересных и проясняющих актуальные социальные, философские, психологические кризисы современности встреч.

В эпоху утраты культурной идентичности, во время мировоззренческой, культурной и политической борьбы, которую мы наблюдаем сегодня, необходимы ориентиры, благодаря которым можно было бы сформировать адекватную позицию относительно тех социальных и политических процессов, в которые мы погружены. Благодаря доступу к огромному объему информации, каждый человек рискует получить фейковую или просто неграмотную информацию по тому или иному вопросу, прежде всего связанному с современной политикой. Поэтому необходимо научить студентов и преподавателей отличать ложную и неграмотно поданную информацию от достоверных, имеющих под собой серьезные основания, фактов. Также важно, чтобы студенты научились различать экспертные мнения от дилетантских или откровенно невеже-

ственных заявлений, которыми сегодня наполнены социальные сети.

Данный проект нацелен на живое, творческое общение между экспертами и студентами нашего университета. Спикеры в рамках данного проекта делятся своими знаниями со студентами и преподавателями, обсуждают самые последние события в политической и культурной жизни, как нашей страны, так и мира в целом, дают свою экспертную оценку и в рамках свободной дискуссии обсуждаются все с этим связанные вопросы. Такие живые встречи расширяют кругозор слушателей и самое главное, направляют их мышление к поиску правильной информации, что на сегодняшний день становится все сложнее.

Данная коллективная монография представляет собой небольшую часть тех смыслов, которые удалось поднять на каждой живой встрече со студентами, аспирантами, магистрами, преподавателями. Проект продолжается, но важно сохранить его смысловое наполнение, отчеркнуть грань уже сделанного на благо миссии университета.

Недель А. Ю.

Россия в эпоху глобальных вызовов: ценности, культура, государство

Вызовы

С началом СВО и притязания России на роль глобального игрока, ее возвращения в большую политику, которое можно датировать выступлением президента В.В. Путина на Мюнхенской Конференции по безопасности в 2007 году, Россия, наряду с Китаем, была объявлена недружественными странами во главе с США «идеологическим врагом» и даже «экзистенциальной угрозой» всему нынешнему миропорядку, установленному после развала СССР и окончания Холодной войны.

Военная мощь России является предметом особого внимания и причиной для возврата к гонке вооружений, которая сопровождала противостояние двух сверхдержав: СССР и США всю вторую половину XX века. Так, бывший американский генерал, глава объединенных штабов Марк Милли говорил: «у русских порядка 1000 истребителей четвертого поколения, и для того, чтобы им противостоять, необходимо иметь значительное количество истребителей четвертого и пятого поколения, что мы и собираемся сделать». Министр военно-воздушных сил Франк Кендэлл, инженер по образованию, занимавшийся истребителями еще при Обаме — среди прочего он довел до ума производство F-35, упростив его дизайн и сократив стоимость — предрек: F-16, которые стоят \$1 млрд штука, не станут для Украины волшебным оружием и вряд ли сильно поменяют баланс сил.

Волшебные ли эти истребители или нет, но тренинг для украинцев планируют открыть на своих территориях, кроме Англии, также Голландия, Норвегия, Бельгия, Польша и Пор-

тугалия. Контраступление, о котором так долго говорили в Киеве, причем говорили с различными оттенками оптимизма, само растягивается на несколько этапов. *De facto*, оно уже началось в форме точечных акций, вроде появления диверсантов в Белгородской области, обстрелов дронами той или иной российской территории и т. п. Однако едва ли стоит ожидать новой «Курской дуги», чья битва состоялась ровно восемьдесят лет назад, или какой бы то ни было серьезной наземной операции до того, пока Киев не получит все необходимое.

И в этом состоит самая большая стратегическая интрига данного конфликта: коллатеральная война, которая идет сегодня между Россией и западным миром, ведется отнюдь не только — или даже не столько — как война технических средств, передового вооружения, человеческих ресурсов и т.п., а в первую очередь как война аксиологий. Именно категория ценности играет в этом конфликте центральную роль: западные ценности, эксклюзив на которые имеют только демократы в Америке — и которым угрожает не только Путин извне, но и Трамп внутри США, — это новый святой Грааль. Все, кто на него посягает, должны быть повержены. Заклинания вроде «стоять до конца, поддерживать Украину столько, сколько нужно», не имеют к Украине никакого отношения. Они описывают исключительно первую фазу Третьей мировой, смысл которой — установить жесткие аксиологические паттерны: *кто принадлежит цивилизации и достоин будущего, а кто принадлежит силам мрака, мешающим это будущее установить в планетарном масштабе.*

Эта первая фаза носит не военный, а ценностный (аксиологический) характер, что также объясняет в целом неторопливую, если не сказать осторожную, эскалацию в плане поставок вооружений. На сегодняшний момент цель поставщиков — не обеспечить победу Украины, которая точно так же, как и Россия, относится к миру политического мрака и служит не более

чем пространственным инструментом в данном конфликте, а в установлении всеобщей единой ценности: *кто не с нами, тот против нас, и само его существование среди нас нежелательно*.

Борьба за ценности

Всеобщая единая ценность — это больше, чем просто пресловутый однополярный мир, который во многом определяется экономическими терминами; это — самовосприятие или то, что историк литературы и «новый критик» Стивен Гринблат, описывая коды и поведение правящего класса в эпоху Ренессанса, назвал «self-fashioning».

Этот Self-fashioning — принятый властными структурами код поведения, от одежды и придворных манер до литературной нормы и политических взглядов. Но в отличие от Ренессанса, где такие коды устанавливались для узкого круга знатных людей и тех, кто его так или иначе обслуживал, включая литераторов, сегодняшняя всеобщая ценность обладает важнейшим свойством — она нелокальна. Другими словами, самовосприятие людей эпохи первой фазы Третьей мировой должно касаться всех без исключения, с этой задачей справляются современные медиа.

Нелокальность проявляется не только горизонтально, захватывая максимальное большое количество пользователей соцсетей, потребителей новостей и проч., но и уходит в глубину — сознания и бессознательного, как и элит, так и масс. Последние должны «понимать», что мир разделен на светлое и доброе начало, на западный рай, как сказал теперь уже бывший глава евродипломатии Жозеп Боррель, и «все остальное».

Когда на очередной встрече с Зеленским, на реплику последнего о том, что «мы умрем или будем свободными, и сейчас мы свободны», сенатор Линдсей Грэм с улыбкой на устах говорит: «Умрут русские» — это не реверанс в сторону украинского вассала, а элемент всеобщей ценности. Умрет тот, кто ее не разделяет. И об этом должен знать каждый.

Третья мировая – война аксиологическая

Первая фаза Третьей мировой — увеличение политической нелокальности этой ценности. Рискну предположить, что военные действия на этом этапе являются вторичными, и экзистенциальный режим, в котором поддерживается Украина — ни проигрыша, ни победы — полностью отвечает надобностям момента. Смысл не в том, чтобы Украина выиграла, в терминах Зеленского или даже Байдена, а в том, чтобы с ее помощью создать новую, как кажется ее авторам, концепцию постоднополярного мира: если последний не удержать таким, каким он существовал последние тридцать лет, то необходимо сменить экономический и военный формат на ценностный, этический, переведя однополярность в аксиологическое измерение.

Думать иначе — значит быть против цивилизации, свободы и человеческого как такового. Только испорченное сознание варваров, эдаких шэнманей, если использовать древнекитайский термин, может считать по-другому, или *rouge people*, по аналогии с устоявшимся понятием *rouge countries*, стремящихся вернуть нас к Средневековью. В политическом языке Средневековье, по необразованности политиков или их консультантов, давно стало символом мрака и беззакония, что, разумеется, далеко от исторических реалий.

Официальные медиа повторяют аксиому: «Россия начала неспровоцированную агрессию против Украины», где акцент сделан на слове «неспровоцированную». В формате всеобщей ценности это определение относится не столько к факту агрессии, сколько к варварской природе самой страны, представление о которой уходит на столетия в историю.

Ценностное противостояние России и Запада

Если не обращаться к очень давним временам Карла Великого, который заставил верующих и понтификов на подвластных ему территориях принять фелиокве («и от Сына», добавление к

латинскому Никео-Константинопольскому символу веры), что было чуждо Византии, и таким образом вбил кол между католической Европой и православной Россией, то представление о России как стране «лжи и обмана», идущее как минимум от де Кюстина и Мишле, прочно застряло в нынешнем западном политическом и академическом уме. Так, например, французский историк Ален Безансон открывает главу своей книги «Святая Русь» так: «Искусство лжи старо, как сама Россия». Он же еще в самом начале нулевыхставил вопрос: «Можно ли включить Россию в мировое устройство? Надо понимать, что до того она в нем не была.

Идея «России как экспансии» была введена в политический контекст т. н. «Завещанием Петра I», сфабрикованным в 1760-х гг. в дипломатических кругах Польши, Венгрии, Украины не без участия Европы. В «Завещании» Петр наказывает своим приемникам расширить российские территории за счет завоевания европейских соседей.

Эту фальшивку многие принимали всерьез: от Наполеона до Трумэна. В 1812 году, в преддверии наполеоновской кампании, выходит сочинение Шарля-Луи Лезюра, историка и дипломата, успевшего послужить в министерстве Талейрана, которое называется «Политика и прогресс российской власти от ее возникновения до начала XIX века». В нем Лезюр, демонстрируя немалое для своего времени знакомство с российской историей, приходит к выводу, что «русские не знают и не признают другого правления, кроме наиболее деспотичного.

Примечательно, что книга открывается цитатой журналиста и роялиста Жака Малле дю Пана: «То, что мы знаем сегодня под именем московитов, является сегодня ничем другим, как татарами». И если в Европе, которая тоже прошла через периоды деспотизма, этот политический режим был преодолен, то в России, наоборот, он «ухудшился и превратился в постоянный благодаря нациальному характеру».

Вот еще несколько цитат из книги: «Ложный гений и глубинная коррупция русских купцов примечательны на всех уровнях». Там же Лезюр цитирует пословицу, которую он нашел у британца, капитана Джона Перри, жившего столетием раньше, строителя каналов и мостов, тоже оставившего для современников книгу о России: «Если вы хотите знать, честный ли перед вами московит, пощите волосы на его ладони. Если вы их не найдете, то перед вами обманщик».

В случае с Перри, впрочем, который прослужил в России без малого пятнадцать лет, имели место стычки с российскими чиновниками, на которых капитан жаловался самому Петру, отсюда, видимо, и его «пословица». «Русские, — пишет Лезюр, — испытывают ужас перед своими соседями...», и далее следует вывод: «тупое невежество, слепые предрассудки, презренная сервильность, спесь варваров, похотливый и свирепый темперамент — отличительные черты русских».

Эти свои откровения Лезюр параллелист с выводами английских современников и предтеч. Кроме Перри, автор ссылается на английского поэта Джорджа Турбервилля (1540-1587), побывавшего в России с миссией Томаса Рэндольфа, посла Елизаветы I в России.

В своих «письмах» Турбервилль описывает страну своего пребывания в тех же терминах: «мужчины коварны, женщины распутны (wanton), храмы полны идолов, которыми они поклоняются <...> обычай удивительны». В XIX веке, на заре рождавшейся науки этнологии, примерно так европейские авторы описывали африканские племена, когда сталкивались с их бытом и жизнью.

Но если в случае с Африкой за минувший век случился значительный сдвиг в сторону непредвзятости и научной объективности, то в случае с Россией за истекшие пятьсот лет в плане политической репрезентации не поменялось почти ничего.

Если бывший американский посол США в России Майкл Макфол требует, чтобы «ни один русский не имел права отдыхать в свободном мире. Это привилегия, особенно сегодня», то это прямая отсылка к наполеоновскому духовнику аббату Доминику Дюфуру де Прадту, который в своих сочинениях не раз призывал «закрыть все двери» перед русскими: «Россия развивалась по деспотичной модели <...> Европа должна сокнуть ряды и не вступать ни в какие политические отношения с государствами, которые не имеют с ней непосредственных общих интересов». Упомянутый выше маркиз де Кюстин позже посоветует выстроить «китайскую стену» между Россией и Европой — своего рода «ковидное» разграничение территории цивилизации и пространства варваров.

Слова аббата на удивление современны: под ними подписался не только Макфол, но и все последнее мюнхенское собрание, не говоря о Зеленском, Подоляке или Дуде. Как и этнология Лезюра, так и «Завещание Петра» (наподобие «Протоколов Сионских мудрецов», придуманных зоологическим антисемитом Нилусом), несмотря на то, что в 1879 году фальшивка была разоблачена, она оказала существенное влияние на дальнейшую внешнюю политику Европы и США в отношении России.

После Второй мировой войны Трумэн ссыпался на этот текст в обсуждении концепции «сдерживания» СССР, которую продвигал Джордж Кеннан.

Другой аббат и астроном, Жан Шапп д'Отрош в своем «Путешествии в Сибирь в 1761 году с описанием Камчатки» иллюстрирует свое сочинение бесчисленными примерами пьянок, потасовок, жестокостей и пыток, которые он наблюдал, смело проводя параллели между русской жизнью и сценами из романа де Сада, своего современника. До того, среди прочих, о бесконечной жестокости русских и их любви к деспотизму писал в своих знаменитых «Записках о Московии» польский дипломат Сигизмунд Герберштейн. Последний вообще отказывает рус-

ским в чувствительности, свойственной европейцам и, разумеется, полякам, поскольку они терпят деспотизм власти и всегда находятся в состоянии раболепия перед ней.

Если русофобские эскапады во Франции и Европе в целом имели этнологический характер, где акцент ставится на «национальном характере» русских, то эксперты по России в Англии гораздо более прагматичны и, как правило, не размениваются на такие сентиментальные мелочи. Ненависть Англии к России — чисто политическая, ее истоки уходят к эпохе наполеоновских войн и к первой Большой игре 1830-х гг. (вторая началась уже при Байдене, о чем у меня есть специальная статья), когда в результате индустриальной революции Англия сильно рванула вперед и довольно быстро превратилась в империю с четкими интересами на Востоке (Индии, Афганистане, Тибете), а также Средней и Центральной Азии, что и по сей день входит в сферу ее интересов.

Английская политическая русофobia — это одновременно имперский проект, оправдывающий «защиты интересов короны» по всей британской ойкумене — от Варшавы и Афин до Ладакха, Кабула и Бомбея, — и способ решать конфликты между партиями, конфликтующими Тори и Вигами. Когда в 1791 году, после захвата русскими войсками турецкой крепости Очаков, британский премьер Уильям Питт-младший предложил организовать морскую экспедицию, чтобы заставить Россию отступить, его предложение было воспринято как курьез. Общественность и парламент выступили против, и Питту пришлось быстро отказаться от этой затеи. Однако урок был вынесен: прежде чем предлагать какой-либо масштабный проект, кампанию или любую политическую авантюру, необходимо подготовить общество. Никто ни тогда, ни сейчас не отменял важность всеобщей ценности и ее нелокального влияния: газеты делали эту работу тогда, СМИ делают ее сегодня.

Империалистические притязания России, storytelling, который с тех пор никогда не подводил, был необходим тогда, как и сейчас: в 1820-х газеты долго и наперебой предупреждали о русской опасности для интересов Англии в Центральной Азии и Индии, как раз в то время Британская Корона брала эти территории под свой контроль. Россия — враг, потому что хочет забрать у Британии то, что ей «принадлежит по праву». Газеты, симпатизировавшие Вигам, писали, что русские собираются стать «правителями мира», и от них исходит экзистенциальная (современное словечко) угроза нашим интересам.

Аксиология Россия vs Запад сегодня

Сегодня «путинский империализм» якобы начал неспровоцированную войну против Украины, re: storytelling, смысл которого, как и двести лет назад, сфокусировать общественное мнение на одной единственной угрозе мирового масштаба. Если двумя веками ранее Россия хотела захватить всю Центральную Азию, то сегодня — европейские страны, начав с Украины, которой пока что юридически отказано в статусе «европейской» страны или тем более в членстве в Альянсе.

Тот факт, что конфликт был спровоцирован долгим покером, который начался еще до всякого Крыма, признают некоторые адекватные эксперты, чьи голоса в общем политическом хоре почти не слышны, даже на Западе и в США.

Так, Джейфри Сакс, один из ведущих сегодня в мире экономистов, с которым мы обсуждали эти темы, говорил мне, что в момент Майдана он был на Украине и сам «видел, как протестующие были непосредственно поддержаны американскими НПО, которые, в свою очередь, были всячески стимулированы администрацией Обамы» (об этом же писал канадский политолог украинского происхождения Иван Качановский). Недавно Сакс опубликовал статью «Война на Украине была спровоцирована — и почему это важно в достижении мира» (The War in Ukraine Was Provoked—and Why That Matters to

Achieve Peace), в которой более детально поясняет свою точку зрения: «на самом деле было две основные провокации США.

Первым было намерение США расширить НАТО за счет Украины и Грузии, чтобы окружить Россию в Черноморском регионе странами НАТО <...> Второй была роль США в установлении на Украине русофобского режима путем насильственного свержения пророссийского президента Украины Виктора Януковича в феврале 2014 года. Стрельба в Украине началась со свержения Януковича девять лет назад, а не в феврале 2022 года, как Правительство США, НАТО и лидеры G7 хотят, чтобы мы поверили».

Сакс не слышен на официальных американских каналах, потому что он один из редких интеллектуалов, идущих вразрез всеобщей единой ценности. Что еще раз доказывает: первая фаза Третьей мировой не военная, а ценностная, этическая. Сегодня союзники по НАТО — кто, как Англия и Польша, по зову сердца, а кто, как Германия, после шоковой терапии — решили выиграть у России именно аксиологическую войну. Украина — только разминка для такой ценностной схватки, чье продолжение, скорее всего, последует в китайском направлении.

Этот термин я предложил несколько лет назад в беседе с одним очень высокостоящим чиновником из нашей власти. Речь шла о том, что именно Россия могла бы предложить в качестве альтернативы современной западной культурной продукции. «Культурной» — в самом широком смысле слова: от базовых религиозных (если таковые еще остались) и идеологических паттернов, романов, фильмов до медийных картинок, журнальных статей, карикатур и т. п.

Российская культура: необходимость наступательности

С давних времен, за исключением эпохи авангарда и в известной мере 1930-х гг., российское культурное производство работало исключительно на внутренний рынок. В этом плане

мы вели себя больше как восточная страна, типа Китая (до недавнего времени) или Японии, работавшая по большей части с собственными культурными кодами и особо не озадачиваясь тем, насколько наши продукты могут быть интересны внешнему миру.

Мы пребывали (и пребываем) в убеждении, что транслируем глубоко гуманистические ценности; нашего Толстого, Гоголя и Достоевского изучают во всех университетах мира, а значит — и мир воспринимает нас согласно этим ценностям, видя в России некий остов всеобщего гуманизма.

Это глубокое заблуждение разделял и СССР. Построенный как бы с нуля в результате революции 1917 года, провозглашая конец старой и начало новой истории, предложив миру новую парадигму равенства и дружбы народов (что отчасти, надо признать, было реализовано внутри самого Союза), страна Советов была убеждена: поскольку эта идеология отвечает глубинным запросам «простых людей», коих большинство на планете, то она не может быть не встречена с энтузиазмом, и достаточно организовать ее политические импланты — от Китая до Африки и Латинской Америки — победа обеспечена.

Нельзя не признать определенный политический успех этого плана, поскольку коммунизм, как своеобразная христианская ересь, оказался довольно успешен в середине XX века и в целом очень неплохо продавался по миру. Это обстоятельство, как все хорошо знают, заставило США и большой «британский» мир организовать планетарное сопротивление и главным образом, во многом с подачи Уинстона Черчилля сразу после Второй мировой войны, объявить идеологическую войну СССР и в конечном счете ее выиграть.

Нет сомнений, что коммунизм был в новейшее время самым успешным глобалистским проектом. Однако он оказался, по целому ряду причин (о которых здесь не место говорить), недолговременным и непрочным, сойдя на «нет» вместе с XX

веком. Один из проколов коммунизма и причина его недолговечности заключается в том, что он во многом оставался чисто политической — квазирелигиозной — моделью и не предлагал достаточное количество соблазнов. Другими словами, коммунизм предложил веру и новую церковь и почти не предлагал антропологически необходимый комфорт и развлечения. Это же, к слову, не хватало и раннему христианству, закрывшемуся, хотя на это имелись свои причины, в слишком большой серьезности. Позже такое положение дел исправит Средневековье, что и позволит ему стать самым длительным христианским временем.

Ошибки прошлых стратегий

Стратегическая ошибка, как СССР, так и пока новой России (в еще большей степени) в том, что в качестве «культурной машины» она почти не производит соблазнов — что, повторю, не просто политически целесообразно, но необходимо антропологически. Мы, как я отметил выше, и сегодня ошибочно полагаем, что чтение Толстого и Достоевского или слушание Чайковского с Рахманиновым принесет нам любовь и понимание во всем мире. И что этот мир сам проникнется глубинным гуманизмом, лежащим в основании православия и российской духовности.

В силу именно этого заблуждения (я сейчас не рассматриваю всякого рода экономические и около того факторы, они вторичны), Россия в плане культуропроизводства остается страной-интровертом. Мы полагаем, что, наведя порядок с духовными скрепами внутри, станем моделью для мирового сообщества и его культурным ориентиром. Однако ситуация сложнее. Чтобы это произошло, стране необходимо выйти из состояния интроверта и создать *наступательную культурную политику*.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru